

ЕВРИПИД И ЕГО ВРЕМЯ

Еврипид¹ родился на Саламине² в конце восьмидесятых годов пятого века³, но был приписан к дему Флия, входившему в состав филы Кекропида. Флия лежала к востоку от горы Гимет.

Легенда о совпадении даты рождения Еврипида с годом и даже днем (20-е Боэдромия первого года 75 Олимпиады) Саламинской битвы имеет лишь символический интерес, хотя в ней нет и ничего недопустимого⁴.

¹ Источники: 1) Анонимная биография, носящая следы компилятивной работы; в древнейшей основе своей была александрийским изданием не ранее как последней четверти III века ант<ичной> эры (напечатана в двух редакциях у А. Наука в начале Тейбнеровского издания² 1866. V. I, I–VIII); E. Schwartz. *Scholiae in Euripidem*. Berol<ini>, 1887. V. I, 1–6; критич<еское> издание: R. Prinz et N. Wecklein. *Eur<ipidis> fab<ulae>*. 1902. V. III, VI, add.; 2) Ex A. Gellii. *Noctibus Atticis*, XV, 20 ap. E. Schwartz, a. a. o., p. 6–7; 3) Ex Suida, *ibid.*, p. 7 sq. Драгоценнейшим источником сведений об Еврипиде надо считать скудные остатки из Филохора, который в качестве предсказателя жил в Афинах 100 лет спустя после Еврипида и в молодости, в письме к Асклепииду (или, может быть, в особом сочинении о трагедиях, или, наконец, собственно об Еврипиде), давал указания касательно жизни и творчества Еврипида. До нас эти сведения дошли в скудном числе, но историки высоко ценят осторожность и добросовестность Филохора (ср. H. Weil. *Sept. tragédies d'Euripide*². Paris, 1879. P. I, note 1; W. Nestle. *Euripides d<er> gr<iechischen> Aufklär<ung>*. Stuttgart, 1901. S. 375. A. 2). Кроме вышеупомянутых источников об Еврипиде временами говорит Аристотель, Плутарх, схоластики и др. Особо надо поставить Аристофана (*Thesm<ophoriazusa>* уделяют карикатурному главную роль) и комиков. Из новых исследований ограничусь главнейшими: A. Nauck². 1869 Lips. (ed. Teubn.). *De Eur. vita, poësi, ingenio*, pp. IX sqq.; H. Weil, a. a. o., Introduction; соотв<етствующее> м<есто> в курсах Бернхарди (первонач<ально> в энцикл<опедии> Эрша и Грубера, II серия, 39 т., 127–167 и Т. Бергка (v. III, 455 sq. 1886). Новейшие работы: U. v. Wilamowitz-Moellendorff. *Herakles*, I, S. 1 sqq.; P. Decharme. *Euripide et l'esprit de son théâtre*. P., 1893. P. 1 ss.; W. Nestle, a. o. o. 1901.

² Σαλαμίνιος. C<orpus> I<nscriptionum> Gr<aeorum> 6052, что не противоречит словам биографа: Εὐριπίδης Μνησαρχίδου Ἀθηναῖος.

³ Согласно Паросской хронике 484–485 гг. до Р. X. (о символичности даты 484 см.: Wil., a. a. o., S. 5). Дата 480 года считалась в древности общепринятой. Но осторожнее основываться на указании Филохора, что Еврипид в 406 г. умер, имея «за 70 лет» (По этому поводу ценны соображения Вейля а. а. o., III, п. 19).

⁴ Cf. A. Nauck². *De Eur. vita etc.*, p. X, adn.; H. Weil, a. a. o., l. c. Во всяком случае 480 год есть позднейший термин для даты рождения Еврипида.

Во всяком случае с Саламином Еврипид был связан не только узами случайного рождения. Родители его имели на острове землю, а сам поэт позже любил там какую-то пещеру с видом на море, куда он по временам и уезжал работать⁵. Виноградники Саламина и его легенды оставили свой след на творчестве Еврипида, но шумящие пчелами дуга и волнистое море около скалистых берегов вызывали в его уме не тени Саламинских бойцов, а тень первой оливы мира

οὐράνιον στέφανον λιπαράϊσι τε κόσμον Ἀθήναις⁶

т. е. небесного венца и украсы для блистательных Афин.

Отца Еврипида звали Мнесархид или Мнесарх⁷, а мать — Клитó, и род его был аттический⁸. Родители поэта жили доходом с сельского хозяйства, и на воззрениях Еврипида отразились традиции землевладельческой аристократии⁹. Когда поэт воспекает прелести мира и пленительный пейзаж, излюбленный Музами, то, помимо мыслителя и художника, в нем говорит, вероятно, и человек, который с горечью видит, как гибнут от набегов плоды самого чистого и чуждого суетности из людских занятий — земледелия¹⁰. Симпатий и склонностей Еврипида скорее всего можно искать в таких людях, как его Амфион, который, «приобретая хорошие сред-

⁵ A. Gellius. *N<octes> Att<icae>*, XV, 20: Philochorus refert in insula Salamine speluncam esse tacitam et horridam, quam nos vidimus, in qua Euripides scriptitarit. Cf. *Vita* (втор. ред. Pr.-Weckl., v. III, IV, p. 98).

⁶ *Tro.*, 803; cf. Fr. *Melengr.* A. Nauck². *Tr<agiconum> gr<aecorum> fr<agmenta>*, No. 530, p. 529.

⁷ В биографии Мнесархид. Может быть, Мнесарх лишь сокращенная форма: ср. Th. Bergk. *Gr<iechische> Lit<eraturgeschichte>*, III, 467, A. 5; в надписях обе формы. Об имени подр<обнее> см. указания у Наука а. а. о., р. X, п. 5.

⁸ Гадания о прищлости Еврипидовых родителей, по-видимому, возникли позже. Иначе Аристофан не преминул бы ими воспользоваться: афиняне были очень чутки в вопросах о своей туземности и чистоты диалекта: о Мнесархиде и Клитó, выходцах из Бэотии, см. Stob. *Floril.*, 44, 41, p. 227; выписка у А. Наука а. а. о., X sq., п. 6. Психология легенды автохтонов см. «Иона» (пер<евод> в I т. этого издания).

⁹ Об этом см., между прочим, U. v. Wilamowitz-Moellendorff, а. а. о., I, S. 9; W. Nestle, а. а. о., S. 376. Ант. 4. Филохор у Свида (см. E. Schwartz. *Sch<olia in Euripidem>*, v. I, l. c.) указывает на благороднос происхождение семьи (или матери?)

¹⁰ Хор из «Кресфонта» (A. Nauck², 453 отр. 599) (428–425 гг. до Р. X.?): «О мир! Глубоко-богатый, ты самый прекрасный из богов. Зову тебя всеми силами души: как ты медлишь! Я боюсь пасть под бременем старческих страданий, не увидав твоей весны, твоих хороводов с веселыми песнями, твоих пиров, венчанных цветами. Приди, бог, в мой родной город! Удали от наших очагов вражескую осаду и бешеную неприязнь, которая острит ножи» (перев. из моей книги «Вакханки», СПб., 1894, стр. XXIX).

ства к жизни»¹¹, хочет заниматься исключительно искусством, не боясь даже, с точки зрения своего брата, прослыть «праздным в доме и общине и ничтожным для друзей». Но Еврипид не раз зарисовывал в своих произведениях и более скромные контуры симпатичных ему людей¹². Царевна Электра, после насильственной смерти ее отца Агамемнона, не остается жить в доме ненавистного ей вотчина: она для виду лишь выходит замуж за старого земледельца и, не деля его постели, делит с ним труды его темной жизни: она носит воду и убирает дом, покуда ее верный хранитель работает в поле. Земледелец изображен в очень симпатичном виде: в Электре он бережет не только остаток славного прошлого, но и залог будущего своей страны¹³.

Отец Еврипида умер довольно рано: он не видел ни одной победы сына¹⁴, и у комиков нельзя отыскать намеков на отца¹⁵. Зато мать, кажется, жила до глубокой старости, и Аристофан то и дело пользуется ее именем, чтобы набросить тень на знаменитого драматурга. Эта тень — ее занятия¹⁶ в связи с той обстановкой, среди которой будто бы вырос и воспитался Еврипид. Мать Еврипида, по-видимому, и действительно пускала в продажу зелень из своих огородов, но едва ли насмешки Аристофана над этим промыслом могли бы иметь какую-нибудь пикантность, если бы касались времен детства Еврипида. Скорее предположить, что торговля огородными запасами была прибыльным, а вследствие этого и не особенно симпатичным для афинских потребителей занятием именно во время пелопоннесских набегов на Аттику¹⁷. Впрочем, допустимо также предположение, что мать Еврипида была взята из более низкого

¹¹ Орывки из «Антиопы» 187 и 194 (у Наука² стр. 415 сл. и 418). О самой трагедии смотри ниже, в конце третьего тома нашего издания.

¹² В «Оресте» при изображении народного собрания в Аргосе, после оратора, в котором зрители не могли не узнать демагога Клеофона, выступает с речью скромный земледелец: «он не блещет красотой, но в нем видно мужество; несчастный гость города и его людных площадей, он живет собственным трудом земледельца: такие люди одни еще спасают землю: он не прочь при случае и от словесного поединка, но главная сила его в чистоте жизни, до которой не коснется укоризна» (Ор., 918–922).

¹³ См. перевод «Электры» в начале 3-го тома.

¹⁴ Plut. *Mor<alia>*, p. 496F: οὐδὲ Εὐριπίδου καὶ Σοφοκλέους νίκας οἱ πατέρες ἔγνωσαν.

¹⁵ Неизвестно, откуда взял анонимный автор биографии сведение о том, что отец Еврипида был мелким торговцем (κάπηλος), но оно не заслуживает даже ближайшего разбора.

¹⁶ *Acharn.*, 478, *Ranae*, 840, 947. В первой обраб<отке> *Thesm.* (цит. у А. Геллия XV, 20, 7) «Αἴρια γὰρ ἡμᾶς ὁ γυνάμκει, δρᾷ κακὰ. Ἄτ' ἐν ἀγρίοις τοῖς λαχάνοις αὐτὸς τραφεῖς (в сохр<анившейся> ред<акции> v. 456 sq.)

¹⁷ T. Bergk. *Gr<iechische> Literaturgesch<ichte>*, III, 467, Anm. 7.

круга населения¹⁸. Слух о происхождении достатков Еврипида из давно оставленного ею промысла мог оживать среди периодически выжигаемых афинских полей.

Мы почти ничего не знаем о детстве Еврипида. Только одно известие Феофраста¹⁹, почерпнутое им из храмового архива, называет Еврипида виночерпием на церемонии религиозного танца в честь Аполлона Делосского: это был местный культ, приуроченный к дему Флии. Известие это вполне совпадает со ссылкой Свиды на Филохора, который считал семьей Еврипида весьма благородной. Во всяком случае семья принадлежала к наиболее почтенным в деме²⁰. Отец, человек зажиточный и честолюбивый, заботился не только о надлежащем образовании Еврипида, но и об его карьере. Оракул предсказал Мнесархиду победы сына на венценосных состязаниях и, вероятно, вполне чуждый литературе помещик стал готовить из мальчика атлета²¹. Но атлетика не стала специальностью Еврипида. Наоборот, сделавшись драматургом, он с особой охотой выискивает те места старых книг, где унижаются атлеты, а при этом и сам не жалсет красок для изображения их занятий и судьбы в самом неприглядном виде. До нас не дошла в целости сатировская драма Еврипида «Автолик», но один отрывок из нее показывает, что отрицательное отношение Еврипида к атлетике было не только глубоко им пережито, но и серьезно обосновано²².

«Из бесчисленных зол, рассеянных по Элладе, нет горшего, чем порока атлетов. Прежде всего, атлеты не учатся жить по-настоящему, да они бы и не могли бы этого сделать. Разве могут люди, которых держат в рабстве их челюсти и желудки, прибавить что-нибудь к отцовскому наследию? Не они сумеют и приспособиться к бедности. Атлеты не учились мудрости, и переход от довольства к стеснению выше их сил. Молодыми то и дело мелькают эти люди в городе — они его украшение. Но пусть придет печальная старость — и это одни лохмотья, обноски.

¹⁸ P. Decharme, a. a. o., p. 5.

¹⁹ Athen<a>eus>. <Deipnosophistae>, X, 424 E.

²⁰ Биография упоминает также о том, что Еврипид был раз факелоносцем Аполлона (Делосского?, храм которого был на Зостерском мысе).

²¹ Анонимный биограф говорит о курсе гимнастики и приписывает Еврипиду победы в Афинах. Подробнее у А. Геллия (N. A., XV, 20). Предсказание дают Мнесархиду халдеи: (?) pater interpretatus athletam debere esse roborato exercitatoque filii sui corpore certaturum cum inter athletas pucros deduxit. ac primo quidem in certamen per ambiguum aetatem receptus non est. post Eleusino et Theseo certamine pugnabit et coronatus est.

²² Autolyc. Satyr. Fr., 282 (A. Nauck², стр. 441 сл.)

Не менес порицаю я эллинский обычай сбиваться в кучу вокруг атлетов: люди поддерживают своим вниманием эти негодные забавы, чтобы лучше потом пообедать. Человек отличился в борьбе или беге, он ловко метнул диск, свернул другому челюсть — венец ему. А в чем же была заслуга его перед отчеством? Разве атлет понесет с собой на войну и диск? Может быть, силачам не надо и щитов: они сумеют кулаками прогнать напавших врагов? Но ведь на поле битвы никому и в голову не придет такого безумия. Тогда поберегите венцы для мудрых и справедливых, для разумных и честных граждан, руководителей общественного дела, для всех тех, наконец, которые словами сумеют удержать вас от пагубных деяний, удаляя от города и битву и мятеж. Вот в чем истинная заслуга перед всяким городом и перед Элладой».

Хотя слова эти взяты из заключительной пьесы тетралогии, целью которой не было обыкновенно поучение, но еще в древности критика отметила в них влияние элегий Ксенофана. В настоящее время философская сторона слов драмы исследована еще глубже, и для нас стало несомненным и в этом случае, как в стольких других, влияние Гераклита²³.

Надо, однако, оговориться. Еврипид, создавший Геракла, не мог быть чужд дорическому идеалу мужества (ἀρετή). Выходка направлялась не против физической закаленности, а против атлетического спорта, против культа физической силы и ее самодовлечения. Впрочем, поэт не побоялся и крайних выводов из своего положения о слишком высокой оценке гимнастических упражнений, которую сделали и в его время Мнесархиды. В «Антиопе» Амфион говорит своему брату (?)²⁴:

«Ты несправедлив, ставя мне в укор женскую хрупкость моего тела. Я понимаю, что такое мудрость, а сила духа лучше крепкой руки».

Некоторая парадоксальность взглядов Еврипида на физическую сторону воспитания оправдывается для данного случая тем, что он нападал не на нечто отживающее, вроде мифа, а, напротив, на точку зрения, которая должна была в IV веке получить новое обоснование и политическую силу²⁵.

Таким образом, по-видимому, выходки против атлетов, подобно нападениям на политических ораторов, гадалелей, олимпийцев и женщин объясняются в Еврипиде его страстным исканием новизны и спекулятивным отношением к окружающему, так что будто бы и нет особой надобности доказывать ими легенду о подготовке Еврипида к карьере атлета. Но несколько

²³ H. Weil, a. a. o.², 1879 'Hλέκτρα ad v. 880 sq.; A. Nauck², p. 442; W. Nestle, a. a. o., S. 218 ff.

²⁴ A. Nauck², Fr., 199.

²⁵ См. две первые главы III книги «Анабазиса» Ксенофонта: W. Nestle, a. a. o., S. 217.

ко иначе осветится дело, если мы сопоставим ненависть поэта к гимнастике с другими фактами из его творчества. Еврипид не щадил и гадателей:

«Зачем же сидите вы на ваших треножниках», с горечью говорит он устами одного из персонажей своего «Филоктета»²⁶, «и как можете вы клясться, что для вас ясны и светлы деяния богов? Все эти изречения создаются людьми, и только суетный болтун может хвалиться, что знает что-нибудь о богах».

Но еще более саркастично отношение его к божественному патрону гадателей — Аполлону. Аполлон не был исконным богом предвещаний, которые принадлежали богам земли, — и в Дельфах он является последним по времени царем оракулов²⁷, но в самом понятии об этом боге сторона мантики имела для V века несомненно важнейшее и первостепенное значение, и потому нападки Еврипида на Дельфийского бога должны были иметь особенно серьезный смысл и жизненность. Нет надобности искать этих нападок по отрывкам. Сохранившиеся пьесы Еврипида достаточно характеризуют нам его взгляд на Пикийца. В «Ионе»²⁸ мальчик-гieroдул, защищая перед другими авторитет своего патрона, про себя читает мораль богу; и даже в конце пьесы, когда тайна его рождения уже раскрылась и, по-видимому, непреложно, Ион все еще сомневается: ему слишком хорошо известна дельфийская канцелярия.

В «Умоляющих»²⁹ (vv. 220 sqq.) несчастье Адраста изображено как результат того, что он поверил оракулу Аполлона. Но нигде, конечно, дельфийский бог не скомпрометировал себя более, чем в указании, которое дал когда-то Оресту. Характерен исход «Ореста»³⁰, где *deus ex machina* — Кастор, в обстановке, наименее располагающей к иронии, дает такой отзыв об Аполлоне:

Феб... Феб?.. Но Феб мой царь,
И я умолкаю. Мудрец сам, он дал тебе немудрое предсказание.

Если между «матерями» Еврипида перед амфитеатром проходили Алькеста³¹ и Иокаста³² — создания избранные не только по тонкости

²⁶ A. Nauck², Fr., 795.

²⁷ Stützle. *Das griechische Orakelwesen, und besonders die Orakelstätten Dodona und Delphi*, II. Progr. gymn. Ellwangen, 1891. Для прочих указаний Pauly-Wissowa. R.-Enc. N. B. B. II, 12 f.

²⁸ См. предыдущий том этого издания.

²⁹ Перевод трагедии в этом томе ниже.

³⁰ Перевод в третьем томе. В тексте vv. 1275 sq.

³¹ Первая пьеса первого тома.

³² В третьем томе, пьеса «Финикиянки».

нравственного чувства, но и по здравости суждений (порою глубоких даже у матери Эдипа), то и вообще в их веренище не было, кажется, ни одной, которую бы отмечало легкомыслие или грубый эгоизм по отношению к детям. Даже Клитемнестра в драме «Электра» не поражает нас: мы не позволим себе забыть, что она пережила убийство старшей дочери ее отцом и что сама чувствует теперь всю непрочность своего счастья на ложе Эгисфа. Совсем не то представляют из себя еврипидовские «отцы». В трагедиях, напечатанных выше, мы встретили целых пять отцов³³. Ферет (в «Алькесте»), Фессей (в «Ипполите»), Амфитрион (в «Геракле»), Ксуф (в «Ионе») и Силен (в «Киклопе») — три последних, положим, отцы *сuius generis*. Из этих стариков характернее все<х>, конечно, Ксуф: его самообольщение и близорукость глухи ко всем доводам новоявленного наследника афинских сокровищ: а доверие к оракулам, до которых Ксуф особенный охотник³⁴, отзывается почти детской наивностью. Нет настоящей любви к детям ни у Фессея, ни у Ферета. Проклятие мужа Амазонки не явилось результатом минутной вспышки: оно выросло на почве недоверия и глубокой нравственной разобщенности с сыном: Фессей презирал религиозные запросы Ипполита, потому что он вообще подозрительно относился к искателям новой веры. Амфитрион любит своего сына и глубоко за него страдает, но сам он уже конченный человек, это одна тень, одно воспоминание о человеке. Можно ли говорить как об отце о самом Алкиде, если это только случайный жнец случайного посева?

Характерен своей точкой зрения на обязанности отца Ферет: родил и берегай для него наследие — вот и все отношение его к сыну. Божественная эгоистичность, отличающая Силена и его детей-сатиров, составляет интересный дублет к взаимному равнодушию Адмета и Ферета.

Трудно утверждать что-нибудь, когда говоришь о биографии человека, умершего за два с лишком тысячелетия до нашего времени, но во всяком случае легенда о неудачно начатой карьере Еврипида находит в его творчестве более оправдания, чем другие.

Если духовная сторона воспитания поэта не возобладавала в его ранние годы, то он с избытком вознаграждал себя позже. Мы ничего не знаем об отроческой его учебе, но опыты с атлетизмом не должны были длиться

³³ Я опускаю Креонта, так как для меня в данном случае интересны лишь отцы по отношению к сыновьям. Но и характеристика Креонта вполне подходит к тем, на которые здесь указывается.

³⁴ По дороге в Дельфы он не миновал и Амфиарая.

особенно долго³⁵. Двадцати пяти лет Еврипид уже получил хор, а карьеру свою он выбрал не случайно. Раньше³⁶ он попробовал сделаться живописцем, и лишь после живописи увлекся физикой и философией³⁷, и на этот раз уже бесповоротно. Творчеством своим Еврипид, безусловно, оправдал имя сценического философа, как бы ни расходились мнения новых исследователей о свойствах его доктрины. Непосредственная связь между изучением философских книг и драматической деятельностью Еврипида и параллельное развитие в нем мыслителя и трагика стоят вне всякого сомнения.

Биограф древности называет Еврипида слушателем Анаксагора. Это имя всего прочнее связано с Еврипидовым, а А. Геллий сохранил даже четверо стихотворений Александра Этолийского (род. около 315 г., современник Феокрита³⁸), где Еврипид называется «питомцем» Клазоменского философа. Действительно, Анаксагор провел в Афинах около 30 лет, и при появлении его в этом городе Еврипиду было не более 20 лет³⁹. Несмотря на малую доступность Анаксагора и тайну, которую, по свидетельству древних⁴⁰, было окружено в Афинах его учение, распространявшееся лишь «среди немногих и с немалой осмотнительностью», Анаксагор оказал глубокое влияние на таких людей, как Перикл и Еврипид: лишь для толпы он смешивался с другими *μετεωρολόεσχα* (т. е. людьми, которые «болтали о небесных явлениях»). Кроме влияний самой доктрины — вопрос, которого мы коснемся далее, — Анаксагор первый дал Еврипиду высокий образец мудрой и созерцательной жизни, а также бесстрашного и вдумчивого отношения ко всему, от чего люди привыкли ограждаться суеверием или робким молчанием. Под влиянием Анаксагора уже не только Амфион или Адмет, приютивший Аполлона, другом Еврипида будет и мудрец, где бы он ни учил и хотя бы сам поэт никогда его не

³⁵ Я не знаю, как понимать слова А. Геллия о «двусмысленном возрасте» Еврипида, приведенного на состязание *inter pueros*. Перерос он или недорос — это должно остаться амбивалентным, как самые слова компилятора.

³⁶ Во второй редакции «Жизни» (Е. Schwartz, р. 3) читаем: *γεγενησθαι δὲ κατ' ἀρχὰς μὲν αὐτὸν φασὶ ζωγράφον*. У Свины: *γεγονε δὲ τὰ πρῶτα ζωγράφος*.

³⁷ См. биографию, у Свины попытка установить связь между началом сценической карьеры и судьбой Анаксагора: Еврипид решил выбрать более свободный путь для распространения просветительных идей.

³⁸ Franz Susemihl. *Geschichte der griechischen Literatur in der Alexandrinischen Zeit*, I B., S. 188.

³⁹ Традицию, по которой рождение Анаксагора падает на 534 год, вполне убедительно опроверг Целлер. См. также P. Decharme, а. а. о., р. 30.

⁴⁰ Plut. *Nicias*, с. 23.

Разве это не напоминает рассказа Плутарха в 23 главе его «Жизни Никии» о тайне, которую должен был Анаксагор окружить свою жизнь в Афинах?⁴⁶

Но Анаксагор не только пленял Еврипида своим нравственным величием, он же забросил в его душу и семена рационализма, взошедшие в его творчестве столь богато и разнообразно. В драме «Меланиппа-философ»⁴⁷, какую бы доктрину ни излагала там дочь Эола, слышались злые выходки против допустимости чуда: при этом суеверие в обстановке трагедии являлось не только ошибкой суждения: оно напускало на людей кровавый туман и без краспоречия Меланиппы стоило бы жизни ее новорожденным детям, потому что они были найдены среди стада⁴⁸.

Плутарх в биографии Перикла (гл. VI, 2–3) рассказывает, как однажды Периклу из его имения доставили барана, который родился с одним рогом. Гадатель Лампон, заметив, что этот твердый и крепкий рог рос по самой середине лба, объяснил, что из двух властей, которые теперь делят Афины, Фукидидовой и Перикловой, должна уцелеть лишь одна власть, а так как чудо явилось Периклу, то ему-то и будет принадлежать эта единая власть. А Анаксагор рассек череп барана и показал, что в глубине его не замечается мозга, а мозг, сгустившись в заостренное яйцо, весь наполнил ту часть черепа, откуда выходят корни рога.

Между датой этого случая, если он не вымышлен, и постановкой «Меланиппы» следует насчитать не менее 40 лет, но сопоставление их все-таки интересно. В рассказе Плутарха отразился не один Анаксагор, но и его ученик, и притом не только как будущий автор «Меланиппы», а вообще в качестве рационалиста-психолога и драматурга нового стиля он рассек череп старой легенды и вместо Эвменид Эсхила нашел там и показал людям галлюцинацию Ореста.

Предание, начиная с Александра Этолийского, ставит в зависимость от Анаксагора не только мирозерцание, но и самый характер Еврипи-

⁴⁶ См. выше.

⁴⁷ Перевод уцелевших отрывков и опыт реконструкции в еврипидовских схемах сделан был мною несколько лет тому назад и издан отдельной книгой в С.-Петербурге в 1901 году.

⁴⁸ См. остроумные соображения Дешарма во второй главе его книги об Еврипиде, сильно колеблющие теорию Валькенауера (изложена в 4-й и 5-й главах «Диатрибы», замыкающей его издание «Ипполита») о том, что философия Еврипида была в существе своем Анаксагоровскою. Впрочем, ранее Дешарма к тем же выводам пришел Т. Бергк (3-й том, стр. 470 сл.) и отчасти Вилламовиц. Книга Дешарма издана в 1873-м году, а 3-й том «Истории греческой литературы» Бергка Густавом Гинрихс в 1884-м. На это указывает и Дешарм в примечании (*Analecta Euripidea*, стр. 142).

да, чуть ли не его темперамент: он меланхоличен, задумчив, всегда серьезен и не любит общества.

Что таков был Еврипид и на самом деле, в этом мы не имеем оснований сомневаться. Наружность его, по крайней мере голова, нам хорошо известны, вплоть до веснушек на лице⁴⁹. Но и пластика, и творчество, и пародия комиков, и даже большая часть анекдотов, характеризуют нам Еврипида или очень пожилым человеком, или даже старым, и таким образом, трудно рассматривать его нрав иначе, как в связи с прожитою им жизнью и испытанными влияниями. Весьма вероятно, что и внушительный образ мыслителя не остался без некоторого влияния не только на нравственный облик, но и на самую физиономию Еврипида: игра личных <sic> мускулов рано перестала давать улыбку. Предание отмечает то же и в Перикле, знаменитом демагоге, хотя он воспринял впервые влияние Анаксагора уже в более позднем возрасте.

Предание упорно сводит Еврипида и с его младшим современником, Сократом (род. в 469 г.). Поэт не мог быть, однако, учеником Сократа, так как этот философ стал приобретать некоторую известность в те годы, когда Еврипиду было уже за 50 лет⁵⁰. Но нравственная цельность Сократа, глубокая аналитичность его ума и речь, прикрывавшая своим повседневным обличем необычайную тонкость мысли, не могли остаться без влияния на поэта, который до 408 года не покидал Аттики. Кроме того, Еврипид был до конца жизни особенно чуток к восприятиям в мире идей, будь это учение орфизма, или элегии Ксенофана, или физика Архелая. Как же мог бы пройти мимо него человек, вся жизнь которого состояла лишь в том, что он заставлял людей влюбляться в добывание идей? Я не сближаю учение Еврипида с сократовским, но не могу закрыть глаза на некоторое сходство между «игрою» в драмах Еврипида и подобным же отношением Сократа к его собеседникам: вспомните хотя бы сцену между Дионисом и Пенфеем в «Вакханках».

Еврипид, в свою очередь, оказывал влияние на Сократа. Анекдот о том, что Сократ, редко посещавший театры, не ленился даже спускаться в Пи-

⁴⁹ Vita: σκυθρωπὸς καὶ σύννους καὶ ἀσθηρὸς καὶ μισογέλως καὶ μισογυνής. Suida: σκυθρωπὸς δὲ ἦν τὸ ἦθος καὶ ἀμειδής καὶ φεύγων τὰς συνουσίας. Alex. Aet. ap. A. Gellium: Ἀναξαγόρου τρέφειος χαίου στριφνὸς μὲν ἔμοιγε προσελεπεῖν καὶ μισογέλως καὶ ταθάζειν οὐδὲ παρ' οἶνον μεμαθηκώς. Иконография: Visconti. *Iconogr.*, pl. V, 3; Welcker. *Alte Denkmaler*, I, S. 485 ff. См. также: Arch. Zeit. Berlin, 1870 u. 1881. S. 10-11.

⁵⁰ Неосторожно усматривать даже влияние Сократа на Еврипида в пьесах ранее 20-х годов. Эросу лирических партий Медси (431 г.) решительно нечего делать с Эросом Платоновского симпозиума.

рей, когда там ставили новую пьесу Еврипида, вполне вероятно⁵¹. Предание заставляет Сократа быть даже равнодушным к моральной стороне еврипидовских гном: так, Диоген Л^{аэртский} рассказывает, что когда в «Электре» Орест объявил со сцены (ст. 379): «Умней всего (при различении людей достойных и недостойных) не искать правила там, где все — лишь одна случайность»⁵², Сократ покинул ступени амфитеатра. Сократ, несомненно, интересовал дидактизм Еврипида. Но трудно видеть хотя бы слабое отражение действительности в пародиях комиков, когда они заставляют философа помогать Еврипиду в самом писании драм⁵³.

Софисты, сделавшие Афины за вторую половину V века ареной своей деятельности, немало повлияли на творчество Еврипида: достаточно прочитать сцену между сыновьями Эдипа⁵⁴, чтобы увидеть, какие эффекты почерпал этот драматург из теории относительности познаваемого. Протагора Еврипид, конечно, знал и лично. Этот Абдерский Орфей был его сверстником. Когда он по временам приезжал в Афины, то жил здесь у богатейшего из афинян, бесценно окруженный толпой молодежи. Даже младшие софисты — Гиппия из Элиды и Продик Кеосский — Илатон рисует их каждого со своим штатом и на особом троне — отступали перед маститым мудрецом, и из учителей в доме Каллии, где была и их стоянка, становились простыми слушателями его мудрых мифов. Насколько Анаксагор должен был таить свою мудрость, настолько, наоборот, сменивший его в Афинах Протагор, это новое солнце, долго был излюбленным и торжествующим гостем на арене политических честолюбий. Он не хотел — как Гесиод или Симонид, или Геродик, или Пифоклид и сколько еще — скрывать мудрость под обликом сакральным ли или мусическим⁵⁵. Он был не только первый софист, а <и> первый учитель, первый глашатай бессмертной красоты уже не в богах, звездах или любовниках, а в человеческой мысли.

Но Платон не называет Еврипида среди афинян, которые так жадно слушают Протагора со ступенек Каллиева портика: там учится лишь его будущий идол Алкивиад. Самого трагика интересовала, может быть, не

⁵¹ Ael<ianus>. *Var<ia> Hist<oria>*, II, 13.

⁵² Diogenes< Laert<ius>, II, 33. Cf. Weil, a. a. o., ad., v. 379; Decharme, p. 45.

⁵³ Vita. Diog<enes> L<aertius>, II, 18 (с. 5, 2). Комики — Аристофан, Телеклид и Каллия. Крайнюю степень доверия к преданию обнаружил Т. Бергк (l. c. S. 474 f.). Вилламовиц, а за ним Нестле впадают в противоположную крайность.

⁵⁴ В «Финикиянках», ниже, в третьем томе. См. первые страницы Платонова диалога «Протагор». В VIII гл. 317 с. читаем слова Пр<отагора>: οὐδενὸς ὅτου οὐ πάντων ἂν ὁμὸν καθ' ἡλικίην πατὴρ εἴην.

⁵⁵ Диалог Платона «Протагор». Ed. Teubn<er>, 1893, v. III, p. 144 sq.

столько доступная всем знаменитость, сколько утонченный скептик. Бесстрашие мысли — вот что пленяло Еврипида более, чем ее блеск, и предание недаром называет дом Еврипида среди тех, где Протагор, уже предчувствуя изгнание, читал свой трактат «О богах»⁵⁶. Протагор утонул по пути в Сицилию, и на это отозвался Еврипид в своем «Иксионе»⁵⁷. Влияние Протагора и других софистов (например Продика) на творчество Еврипида не подлежит сомнению, в нем, как метко указал Дешарм, были даже все данные, чтобы отлиться в форму крупного софиста: пылливость, ирония и скептическое бесстрашие⁵⁸.

Но никто другой, как Еврипид, показал и весь ужас, который создается в жизни софистикой Талфибиев, Одиссеев, Мснелаев и Ясонов. «Когда человек делает злое», читаем мы в «Гескубе» (v. 1187 sq.), «его речи должны бы были отличаться слабостью, чтобы несправедливость не владела красноречием». А в словах Алькесты и Ифигении-жертвы Еврипиду удалось показать пленительность правды без малейшего налета софистического искусства.

На Еврипида влияли и другие философские системы, с которыми он знакомился путем чтения. Вообще это был, кажется, более *читатель*, чем *собеседник*. Недаром предание славит его библиотеку — одну из трех в Афинах⁵⁹.

Еврипида привлекал и Гераклит, особенно своей враждебностью авторитетам и глубиной философского радикализма⁶⁰. Но не менее глубоко затронул его и монотеизм Ксенофана⁶¹. С современником своим Демокритом Еврипид сходилась, м<ожет> б<ыть>, в предчувствии космополитизма⁶². Он был знаком и с физикой ионийских философов, и с теориями Гиппократов. Хорошая риторическая школа не вытесняла в нем и знания поэтов, из которых на первом месте следует поставить сицилийского комика Епихарма и Стесихора, а собирателей исторических легенд, как Ферекида и Гелланика, он должен был внимательно читать уже по одной специальности драматурга. «Я стараюсь не переставая учиться», — мог бы сказать о себе вслед за Солоном и Еврипид⁶³.

⁵⁶ Diog<enes> L<aertius>, IX, 54 (Cap., 8, 5).

⁵⁷ Филохор у Диог<ена> Л<аэртского> (IX, 55).

⁵⁸ а. а. о., p. 58.

⁵⁹ Athen<a>, I, 4, p. 3 а, рядом с Евклидовой и ранее Писистратовой.

⁶⁰ Об этом много нового и поучительного у Нестле, особенно стр. 411 слл.

⁶¹ См. sup<авку?> у Бергга и Нестле.

⁶² См. T. Bergk, III, 475 u. Anm.

⁶³ Solon. Fr., 17, у Nestle а. а. о., S. 14.

В 455-м году античной эры⁶⁵ Еврипид впервые получил хор и вслед за этим в течение 49 лет⁶⁶ он ставит пьесы на афинских (а изредка даже на иностранных⁶⁷) сценах. Дебютировал он, по преданию, «Дочерьми Пеллии». Это была эффектная драма⁶⁸ с Медесей-колдуньей в главной роли и бойко написанная, но молодой драматург на состязании оказался на последнем месте. Всего Еврипиду принадлежало 88 драм, или 22 тетралогии, но из 88 пьес его 14 были потеряны уже к александрийскому времени. Древние грамматика знали названия 74-х, и из них сатировских драм только 7⁶⁹; четвертые места в остальных тетралогиях заменялись, очевидно, драмами особого типа, вроде «Алькесты».

Вначале Еврипид ставил пьесы сравнительно редко. «Алькеста» (438 год, 17-й с начала карьеры!) принадлежала к его четвертой тетралогии. Начиная же с «Медее» (431 год) деятельность его усиливается, и на последние 26 лет приходится разместить 17–18 тетралогий, так что были годы, в которые одна тетралогия Еврипида следовала за другой без перерыва⁷⁰. Успех Еврипида не может быть, однако, назван блестящим. При жизни он был увенчан лишь четыре раза: первый раз в 441 году до Р. Х.⁷¹ Один из следующих — в 428 («Ипполит»). После смерти была увенчана (в пятый раз) его тетралогия (?), из которой до нас дошли «Вакханки» и «Авлидская Ифигения».

Почему Еврипид так редко успевал на состязаниях?

Кроме излюбленности его маститого соперника — Софокла и почтения к тени великого Эсхила в лице его сына, причину равнодушия афинских судей к музе Еврипида следует, вероятно, искать в его смелом новаторстве (в «Электру» он внес, например, пародию на Эсхила) и в наклонно-

⁶⁴ Вписано карандашом позднее. — В. Г.

⁶⁵ Vita. У А. Геллия (N. A., XV, 20) находим следующее маловероятное известие: *tragoediam scribere natus annos duo deviginti adortus est*.

⁶⁶ 455 «Пелиады» — 406 (поставлены позже) «Вакханки», «Алкмеон в Коринфе», «Ифигения Авлидская».

⁶⁷ «Андромаха» была поставлена в Агросе, «Архелай» в Македонии. См. схолии к Андр<омaxe> 445; ср. Decharme, a. a. o., p. 161, n. 1; W. Nestle, a. a. o., S. 381, A. 29.

⁶⁸ См. мое послесловие к «Медее». См. также T. Bergk, III, 493.

⁶⁹ Наиболее света в этот вопрос внесено Wilamowitz'ем в его *Analecta Euripidea*, p. 172 sqq.; cf. W. Nestle, 379 f.

⁷⁰ См. соображения в кн. Th. Bergk. *Gr<iechische> Literaturgesch<ichte>*. 1884. III B. S. 484 f.

⁷¹ *C<orpus> I<nscriptionum> Gr<aeorum>*, I 2374, 2375 (Marm. Par. Ep. 60).

сти возбуждать сострадание внешними присадами (например, видом лохмотьев в «Телефе»); кроме того, иногда в драмах Еврипида проявлялась, несомненно, и спешность работы. Недостатки их экономии были отмечены еще Аристотелем⁷². Но главную причину официального неуспеха автора «Меден» следует, вероятно, искать глубже: афинские судьи венчали второго «Ипполита» — пьесу чисто аттическую. Но драмой значения всемирно-исторического пришлось стать первому «Ипполиту», который был ими забракован. Драма Еврипида заимствовала от философии свой космополитический характер, который делал ее близкой для чужеземцев и тем самым, может быть, отдалял от высокомерных, единственных и «ниоткуда не пришедших» афинян. Поэзия Еврипида не была чужда даже некоторого экзотизма: в ней были женщины, которые чувствовали себя чужими на эллинской почве — такова Андромаха, такова Медей⁷³, но вы напрасно стали бы искать в Трахине или Аргосе Софокла кого-нибудь кроме афинян.

Еврипид был женат и, *м<ожет> б<ыть>*, даже дважды⁷⁴. По крайней мере предание сохранило нам два имени жены Еврипида: Мелитэ и Хэрина (или Хэрила), но самое разноречие биографий относительно того, которое из этих двух имен принадлежало первой жене и которое второй, а также обход ими вопроса, как именно звали мать трех сыновей Еврипида, заставляет нас сомневаться в том, что Еврипид был женат дважды⁷⁵. Мать его детей была дочерью Мнесилоха — вот единственное, что мы знаем достоверно.

Раннее предание, т. е. комедия Аристофана, по крайней мере при жизни поэта и насколько оно нам известно, ничего не говорит о семейных

⁷² Arist<otelis>. *Poet<ik>*, с. 13, p. 1453 a 29.

⁷³ Местный колорит был отмечен еще в «Алькесте». См. мое послесловие (в 1-м томе).

⁷⁴ Gén. Eur. γυναῖκα δὲ γῆμαι πρῶτην Μελιτώ, δευτέραν δὲ Χοιρίλην, καὶ υἱούς κατέλιπε τρεῖς etc. (l. 11s. Schwartz, a. a. o., I, 2). Свида, наоборот, первую жену называет Χοιρίλη (ibid., l. 9, p. 8). Авл Геллий делает Еврипида двоеженцем: duas simul uxores habuerat (ibid., l. 7 S., p. 7).

⁷⁵ В одной из схолий к «Гекубе» (ad. v. 3) находим указание на то, что Χοιρίλη было прозвищем Гекубы (свинья) за то, что она много раз родила. Это обстоятельство удостоверено авторитетом Филохора, но едва ли особенно ценно для решения семейного вопроса Еврипида. Хэрина было не только прозвищем, но и женским именем (cf. Wil<amowitz>. *Herakles*, I, S. 7, A. 12). Комики не смеются над плодородием жены Еврипида. К одноженству склоняется Wilamowitz (еще *An. Eur.*, p. 149 A.); за ним Decharme, a. a. o., p. 14; W. Nestle, S. 15, S. 382. Ближе к традиции стоит Th. Bergk, a. a. o., III, 478 sq., впрочем, тоже с ограничениями.

несчастиях Еврипида⁷⁶. Традиция должна была сложиться позже, ее повторяют биографы и анекдотисты, и до настоящего времени Еврипид сплошь да рядом называется мисогиним на почве тяжелого личного опыта⁷⁷. Нет ничего невероятного в том, что Еврипид был несчастлив с одной и даже обеими женами⁷⁸, конец жизни в Македонии он во всяком случае провел один, хотя жена и пережила его. Но я никак не могу согласиться с домыслами биографов о том, что Федра есть символ брачных злоключений поэта (хотя бы в первом «Ипполите») — эта драма Еврипида была по-другому смелая; ее смелость коренилась глубже, в самих свойствах его таланта и мирозерцания. Во всяком случае через двадцать лет после первого «Ипполита» Еврипид был выставлен на комическую сцену в самых лучших отношениях с отцом своей неверной жены, и при этом налицо не было ни тени намека на то, что он был обманут.

Анекдот не останавливается, однако, на бесстыдстве жены. Он называет и ее союзника. Это — Кефисифонт, что-то вроде домашнего секретаря Еврипида, во всяком случае, судя по имени, не раб. Еврипид заметил неверность жены, тогда он сделал попытку образумить Кефисифонта, а когда это не удалось, то оставил ему свою жену, которую тот хотел обладать⁷⁹. Анекдотист мог бы идти и далее. Еврипиду приходилось уступить. Кефисифонт нужен был Еврипиду — он помогал ему в сценической работе: об этом есть даже упоминание в одном из отрывков Аристофана (frg. 480) — и на этого именно комика ссылается биограф.

У Еврипида осталось три сына, вероятно, все трое от одной матери, по крайней мере, в биографиях они упоминаются вместе⁸⁰. К 408 г. старший Мнесархид, названный по деду с отцовской стороны, был крупным морским коммерсантом (ἐμπόρος)⁸¹, второй — Мнесилох, в честь деда со стороны матери, актером и третий — Еврипид — трагическим поэтом.

Нам ничего не известно о политической деятельности Еврипида. Судя по его произведениям и согласно традиции, он вообще невысоко ставил деятельную жизнь (πρακτικὸς βίος) и обладал умеренным чес-

⁷⁶ Этот вопрос хорошо разобран у Дешарма: а. а. о., р. 13.

⁷⁷ Th. Bergk, а. а. о., III, 479.

⁷⁸ Schw<artz. *Scholiae in Euripidem*, а. а. о., р. 5.

⁷⁹ Schw<artz. *Scholiae in Euripidem*, а. а. о., р. 6, l. 1 sqq.

⁸⁰ Gén., р. 2, l. 12 sq.; Suida, р. 8, l. 10.

⁸¹ Еврипид, по-видимому, не растратил отцовского наследия. Старший сын уже в 408 году был крупным коммерсантом. Невольно приходит на ум сопоставление этого факта с тем, что отец Еврипида называется в одной из биографий κάππλος, т. е. мелким торговцем, скупщиком.

толюбием⁸². Правда, у него был живой интерес к политическим вопросам, особенно, когда дело касалось Афин, но это был интерес мыслящего патриота, а не практического политика. Предание делает Еврипида поклонником Алкивиада: не будучи честолюбцем, он любил, очевидно, яркое воплощение и этой страсти, как стольких других, и не одна же красота тянула его к Алкивиаду, как позже к Агафону. Ради Алкивиада Еврипид стал даже лириком — он воспел его олимпийскую победу⁸³. Но весьма вероятно, что и в Алкивиаде Еврипида интересовал главным образом не политик и не честолюбец, а ученик Сократа, как с Критием сближала его не политическая программа, а общность философских интересов⁸⁴.

Более 70 лет почти безвыездно провел Еврипид в Афинах, посещая только Саламин. Мы не знаем даже, был ли он в Аргосе, если действительно там ставили его «Андромаху»⁸⁵. Но тем не менее для не-афинян не было, кажется, афинянина более популярного⁸⁶, и биограф ставит в связь именно с этим и то обстоятельство, что Еврипида преследовала зависть в отечестве⁸⁷. И север-Македония, и запад-Сицилия, и восток-Малоазийское побережье чтит Еврипида и, может быть, не столько за сладость мелоса, но еще более как символ «новых Афин», тех, которые его эпитафия называет «Элладою Эллады»⁸⁸, и уже не в качестве этнографического термина, а для обозначения родины муз⁸⁹. Путешествия не прибавили бы Еврипиду известности: ее создавала афинская сцена и Мартовские Дионисии. Ведь он не был софистом, власть которого поконится прежде всего на личном обаянии. Разъездам должна была мешать

⁸² В «Риторике» Аристотеля II 6, p. 1384, В 16 есть упоминание о том, что он имел дипломатическое поручение в Сиракузы. Бергк считает это весьма возможным, тем более, что *Ευριπίδης* назван без всяких добавлений к имени, но Рункен, а за ним и Дешарм читают вместо *Ευριπίδης* — *Υπερίδης* (Dech., a. a. o., p. 14, n. 2).

⁸³ См. отр<ывок> у Bergk—Heller—Crusius. *Lyr<a> gr<aeca>*⁴. 1897. S. 130.

⁸⁴ См. об этом Th. Bergk'a a. a. o., III, 475 и AA.

⁸⁵ Sch<wartz>, ad v. 445; cf. vv. 733 sqq.; Decharme, a. a. o., 161 n. 1; W. Nestle, 381, A. 29.

⁸⁶ См. *Γένος Εὐρ'*. (ed. Schw<artz>, p. 5, l. 17 sqq.): διὸ καὶ ξενοφιλώτατον κεκλησθαι φασὶ διὰ τὸ μάλιστα φιλεῖσθαι.

⁸⁷ *ibid.* ὅπο γὰρ Ἀθηναίων ἐφθονεῖτο.

⁸⁸ Πατρίς δ' Ἑλλάδος Ἑλλάς, Ἀθήναι.

⁸⁹ Предание соединяет имя Еврипида с двумя местностями: островом Икаром, около Малоазийского побережья, где он будто сочинил стихи (дошедшие и до нас) о какой-то жещине, отравившей себя и детей грибами, и Магнесией (которой из Магнесий неизвестно): Athen., II, 61b; *Γέν. Εὐρ.* μετέσθη δὲ ἐν Μαγνησίᾳ καὶ προξενία ἐτιμήθη καὶ ἀτελεία (Schw<artz>, p. 2, l. 7 sq.).

и самая работа Еврипида⁹⁰. Не надо забывать, что она была несравненно сложнее, чем Софоклова: Еврипид не ослабевал в поисках за новыми вариантами мифов; кроме того, сцены его разрабатывались не только психологически, но нередко и риторически, и, наконец, музыка ставила в его время новые требования и драматургам; эффекты инородных мелодий, развитие сценической лирики — в музыке и в танце — на счет традиционной оркестровой — все это должно было отнимать у Еврипида немало времени⁹¹. Еврипид пользовался даже посторонней помощью для мелической части трагедии, и это, кажется, не подлежит никакому сомнению⁹².

В 408 г., поставив на сцену своего «Ореста», Еврипид покинул Афины: он уехал в Македонию, следуя настойчивому приглашению одного из своих поклонников, царя Архелая, который в это время находился в апогее своей силы и организаторской деятельности. Покидал ли Еврипид Афины совсем? Предание не дает нам основания это утверждать. Хотя один из старых биографов и ставит отъезд Еврипида в связь с его театральными неудачами и завистью комиков, но так ли нужен нам этот домысел⁹³, как этого хотят некоторые из новых исследователей?⁹⁴ Не имела ли поездка Еврипида более непосредственной, так сказать, профессиональной цели? Между отъездом из Афин и мартом 406 г., когда в Афины пришла весть об его смерти, прошло не более полутора лет, а Еврипид успел за это время написать (?) и поставить на новую, только что открывшуюся сцену театра в Дионе две трагедии, остановившись по дороге еще в Магнесии, где в качестве «гостя государства» был осыпан почестями. Не допустима ли мысль, что Еврипид поехал к Архелая вовсе не вследствие разочарований, а с новыми замыслами?

⁹⁰ Анекдот Диогена Лаэртия (III, 6) о поездке Еврипида с Платоном в Египет — может быть объяснен разве символически.

⁹¹ См. несколько прекрасных страниц у Decharme, a. a. o., p. 517 ss.

⁹² Кроме Кефисфонта, биография называет еще его сотрудником аргосца Тимократа (Schw., p. 2, l. 2 sq.; p. 5, l. 14 sq.). Вопрос о Мнесилохе является открытым: решать его в смысле «космической шутки», как делает это Т. Бергк (Gr. Lit. g., III, S. 486, A. 71; 474, A. 29), едва ли правильно: наоборот, вся сила шаржа заключается в его реалистичности, карикатура не достигает своей цели, если она теряет свою портретность.

⁹³ οὐδεμίαν φιλοτιμίαν περὶ τὰ θεάτρα ποιούμενος διὸ τοσοῦτον αὐτὸν ἐβλαπτε τοῦτο ὅσον ᾠφέλει τὸν Σοφοκλέα. ἐπέκειντο δὲ καὶ οἱ κωμικοὶ φθόνῳ αὐτὸν διασύροντες; ὑπερίδων δὲ πάντα εἰς Μακεδονίαν ἀπῆρε πρὸς Ἀρχέλαον τὸν βασιλέα.

⁹⁴ См. P. Decharme, a. a. o., p. 14 abreuvé par les poètes comiques Euripide voulut se soustraire à des attaques... Athènes... n'était plus la ville qu'avait connue sa jeunesse.

Как бы вы ни смотрели на трагедию Пенфея, но «Вакханки» все же остаются в творчестве Еврипида явлением поворотным⁹⁵. После «Ореста» некуда было идти далее по пути высмеивания мифа — надо было оживить его обаяние. Но вернемся к рассказу. В 408 году Архелай, незаконный сын македонского царя Пердикки, уже пять лет как был единодержавным. Опираясь на созданное им новое войско, «пешую дружину», которая составляла демократический противовес конным всадникам, оплоту аристократов, Архелай дал своей державе небывалый блеск. Резиденция была перенесена из Эг в Пеллу, где быстро вырос роскошный дворец, и сам Зевксис из Гераклеи покрыл его своей живописью. По Македонии протянулись новые дороги, благодаря вновь вооруженным войскам явилась возможность усилить старые крепости и создать новые. Фукидид, который, по всей вероятности, некоторое время и сам провел при дворе нового тирана, говорит в своей «Истории», что Архелай один сделал для своей страны более, чем все его предшественники, взятые вместе.

Род Архелая шел, по преданию, от самого Геракла, и его четверня получила приз на Олимпийских играх. Сами македонцы были, по всей вероятности, эллинским племенем, но в деятельности Архелая все же чувствовался вчерашний варвар⁹⁶. Архелай видел силу своей страны не в ее обогащении, а в ее мужиках, наскоро одетых гоплитами. Архелай искал прежде всего блеска и вокруг себя побольше громких имен. Он не давал македонцам эллинских учреждений, но поспешил завести игры и устроил театр у подножия Олимпа, в Дионе, в той самой «блаженной Пиерии», откуда некогда вышли музы. Подбор его именитых гостей был во всяком случае характерен: все это были люди, порвавшие с традицией, смелые новаторы, каждый в своей сфере: Гиппократ — в медицине, Фукидид — в истории, Тимофей — в музыке, Агафон — в трагедии. 70-летний философ сцены был между ними едва ли не самым маститым. Архелай звал и Сократа, но сын Софрониска оказался дальновиднее⁹⁷. Ему нужны были

⁹⁵ Нельзя принимать в расчет случайность Молосской своры. Ср. также W. Nestle, a. a. o., 427, A. 69 sqq.

⁹⁶ Зачеркнуто Анненским: «в деятельности Архелая все же было какое-то чересчур поспешное намерствование культуры. В его погоне за громкими именами художников и ученых, в его желании оживить местные героические предания чувствуется не столько...» — В. Г.

⁹⁷ О Гиппократе у Свиды s. v. Фукидиду приписывается эпиграмма для кенотафа Еврипида (см. также, кроме биографии, Athen., V, 12, p. 187D); Тимофей — «Плутарх» — В. Г. > *Aprophthegm<ata> Arch.*, S. 177; Агафон — Aelian. *V<aria> H<istoria>*, XIII, 4; о Сократе узнаем от Аристотеля (*Rhet<orik>*, II, 23, кроме того у Стовея и Диогена Лаэрта.); см. ссылки у W. Nestle, l. l. c.

не восторженные зрители, как Агафону или Еврипиду, а изящные и досужие собеседники, юноши, которым ничего не сказали бы ни псарни, ни новенькие кольчуги придворных Архелая.

Обстановка жизни при дворе Архелая мало подходила к характеру и привычкам Еврипида. Предание говорит об его дружбе с Агафonom⁹⁸, несмотря на разницу в годах (более тридцати лет), которой не следует во всяком случае придавать характера эротического⁹⁹. Сам Архелай не только окружал Еврипида почетом, но прибегал иногда и к его советам — Еврипид играл роль при дворе, и предание назойливо вмешивает его имя в придворные дразги. У него несомненно были в Пелле и завистники, и недоброжелатели¹⁰⁰. О пьесе «Архелай», где Еврипид причудливо мифологизировал имя тирана, мы знаем немного. Она написана была, по-видимому, для открытия нового театра, и новейший исследователь творчества Еврипида предполагает, что в «Археласе» настойчиво воздавалось должное энергии Македонца и его исконному благородству¹⁰¹. «Вакханки», вероятно, тоже были написаны, а м<ожет> б<ыть>, и поставлены Еврипидом в Дионе. Эта блистательная драма, в которой свежее чувство природы так причудливо сочеталось с застарелым скептицизмом и желание думать как все с умственной изощренностью, носит печать глубокого раздвоения. Македонский период был краток. Еврипид умер, по-видимому, от несчастной случайности зимой 406 года: наиболее правдоподобно предание, что его покусали собаки Архелая¹⁰², когда он как-то запоздал на уединенной прогулке¹⁰³. Эта версия не разобщает нас по крайней мере с Саламинским анахоретом, но на ее почве, если только она имеет основание, легенда вышивала потом в Александрии и Риме самые разнообразные узоры. Собаки то обращались в женщин¹⁰⁴, то, оставаясь собаками, мстили Еврипиду за то, что он будто заступился за

⁹⁸ Зачеркнуто Анненским: «но на их отношения наброшена тень тем более досадная, что ее бросила клевета». — В. Г.

⁹⁹ См. Aelian. V. H. XIII, 4. Виламовиц (Her.¹, I, 16, A. 26) сделал очевидным, насколько в этом отношении Еврипид и в теории и в жизни отличался от Эсхила и Софокла. См. также Нестле а. а. о., 382, примеч. 30 в конце.

¹⁰⁰ См. биографию (Schw<art>, 2, I. 9 sq.), Stob., IX, 17; Aristot. Pol<itia>, V, 10. Также Wil<amowitz>. Her.¹, I, примечание на стр. 17; W. Nestle, а. а. о., SS. 19, 385 ff.

¹⁰¹ W. Nestle. Euripides etc., S. 18.

¹⁰² Зачеркнуто Анненским: «когда он прогуливался один, поздно вечером, в окрестностях Пеллы, погруженный в свои размышления». — В. Г.

¹⁰³ Γέν. Εὐρ. (Schw<art>, p. 4, l. 1 sq.: ἐνταῦθα ὀψιταίτερον ἀναλαύων ὑπὸ βασιλικῶν ἐφθάρη κυνῶν.)

¹⁰⁴ Suida (Schw<art>, p. 8, l. 19).

жителей деревни. «Фракийцы», которые съели случайно попавшую к ним Молосскую собаку Архелая и были присуждены македонским царем к выплате большого штрафа¹⁰⁵. Литературный (resp. мифологический) источник обеих легенд, и о женщинах, и о собаках, вполне ясен. Аристофан в своей комедии «Женщины на празднике Фесмофорий» уже заставлял Еврипида предекать себе смерть от женщин-мстительниц (v. 181). С другой стороны, Орфей был разорван Бистонидами, Пенфей — вакханками и Актеон — собаками Артемиды, кто же об них не слышал? К мотивам легенды пристегивались и эротические; у Свиды рассказывается также целая история о завистниках Еврипида — поэтах Аррибес из Македонии и фессалийце Кратэве, будто они подкупили раба Лисимаха за десять мин, и этот псарь спустил на Еврипида царских собак¹⁰⁶.

Любопытно, что через какие-нибудь 60–70 лет после смерти Еврипида в обращении была уже версия о том, что Еврипид умер естественным образом, взятый «Аидом и старостью». Как бы то ни было, ни в эпитафии, ни при требовании, которое афиняне предъявили к Македонцу о возвращении им костей Еврипида, не упоминается о том, что поэт сделался жертвой убийц. Смерть его произошла от случайности — и мы не знаем от какой именно — это вернее всего.

Могила Еврипида в окрестностях Амфиополя тоже не обойдена легендой. В нес ударила молния — честь, которую Мнесархид делит с одним Ликургом¹⁰⁷. Еврипида похоронили при слиянии двух рек, и предание велит одной из них струить вкусную и целебную воду, а другой течь отравую¹⁰⁸.

Афиняне встретили отказ Архелая на свое требование вернуть им прах Еврипида. Пришлось на дороге из верхнего города в Пирей поставить кенотаф с традиционными пентаметрами, Тимофея или Фукидида¹⁰⁹. Но еще ранее, при самом получении известия о смерти Еврипида в марте¹¹⁰ 406 г., его сограждане почувствовали, что они потеряли. На трагическом проагоне Софокл вышел на сцену в траурных одесдах, а афин-

¹⁰⁵ Г. Е. <Гέν. Εὐρ.> Schw<artz>, 4, l. 12 sqq

¹⁰⁶ Suida, ibid., p. 8, l. 15 sqq. Все эти легенды прекрасно разобраны в книге Нестле, стр. 385 слл., прим. 43. Он очень остроумно выделяет в легендах те элементы, которые привнесены в них из рассказа о смерти самого Архелая (через 7 лет после Еврипида): там был, действительно, и эротический мотив, и заговор, и убийца.

¹⁰⁷ Г. Е. <Гέν. Εὐρ.> (Schw<artz>, p. 3, l. 11 — речь идет не только о могиле, но и о пустой гробнице в Афинах), Plut. *Lyc.<urgus>*, 31.

¹⁰⁸ Vitruv<ius>, VIII, 16.

¹⁰⁹ Г. Е. <Гέν. Εὐρ.> Schw<artz>, p. 3, l. 4.

¹¹⁰ Ошибочно поставлено «1904» и зачеркнуто, — В. Г.

ские граждане, составлявшие его хор, следовали за славным старцем без венков, и все плакали¹¹¹. Посмертная трилогия поэта, вскоре затем поставленная в Афинах Еврипидом-младшим, была увенчана.

Псалтырь, дельт и стиль Еврипида были куплены у его наследников сицилийским тираном Дионисием старшим за один талант¹¹².

Долго вслед за этим росла и ширилась слава Еврипида, становясь по временам даже манией. Из эллинского мира, где застала ее смерть поэта, она перешла в Азию, в Александрию, потом в латинскую Италию и покоряла умы вплоть до тех христианских школ нового мира, где учеников заставляли читать «Гекубу» и «Финикиянок» в целях морального воспитания.

¹¹¹ Ibid., l. 12 sqq.

¹¹² Ibid., p. 5, l. 14 sqq. Это известие взято у Термиппа.